

Живая кровь

Кисходу дня я как-то камнем стал.
Но камнем я недолго пролежал

— Хорошим будет,
Слышу, — постанет.
И наступил торжественный момент:

На самом влётё солнечного дня
Поставили солдата на меня.

Как тёплые весенние лучи,
Его подошвы были горячи.

И слышал я — и слышу вновь и вновь! —
По мне течёт его живая кровь.
А по ночам он что-то шепчет мне
О девушке, но больше — о вине.

А по утрам, когда пустынен сад,
Две женщины поникшие стоят.

И падают их чёрные платки
На чистые, как небо, васильки.

И что бы ни случилось дальше тут —
Они от нас, мы знаем, не уйдут.

...Так отшумело много-много лет.
А вы твердите, что бессмертья нет.

Его окопы

*Памяти Виктора Некрасова,
автора великой повести
«В окопах Сталинграда»*

Я не читал ещё ни у кого —
И вот пришла душе моей награда!
Таких, всегда живых! — как у него,
Не умерших «Окопов Сталинграда».

Фашист всей мощью на окопы прёт —
Залиты кровью гусеницы танков...
И Керженцев через смерть ко мне идёт
Сдушою неубитой лейтенанта.

И никогда не кончится земной
«Окопов...» путь,
ведь им не будет сроков,
Коль Вифлеемской вечно Звездой
Освящены Некрасова окопы.

Он устремляет — через годы — взор,
Чтоб в лжеокопах мне не заблудиться.
Сапёр и мины. Мины и сапёр.
От этих мин —
один лишь шаг до фрицев.

Я все романы, что держал в руке,
Сожгу — лишь за одну деталь такую:
Лежит боец, а в замерших губах
У мёртвого ещё дымит окурок.

Дни по-пластунски, как бойцы, назад
Ползут — из поколения в поколение, —
И на ветру веков, сметая ад,
«Окопы Сталинграда» всё стоят,
Чтоб выстояла Память от забвения.

Когда я говорю с Христом

Когда я говорю с Христом —
Сияет Свет перед лицом.
И в Свете этом — все Слова,
Дающие на жизнь права.

О, Логос Господа —
Закон
Для всех людей, для всех времён.

Но чтобы Свет сей мог светить,
Ты каждый миг обязан быть
С Христом,
Как с Ним я — каждый миг, —
Стого из далей неземных
Летит — и будет высота
Подъёмом Духа моего злата.

И я стремлюсь — пока в мечте! —
К Его духовной высоте,

Чтоб с нею тленье одолел
Высокой нравственностью дел;

Чтоб обрести Христову высь, —
И только в этом жизни смысл.

Весёлым светом радостно пылая,
Согрев дыханьем голову лесов,
Крыло зари махнуло над полями
И полетело на плечах ветров.

И я стоял у речки тихоструйной,
Где храмами возвысились стога,
И куст сирени, от соцветий буйный,
Стоял, — дрожала у него нога.

Казалось, всё готовилось к походу —
Трава, стога и берега в огне.
И облака, спускаясь с небосвода,
Несли всех вместе на своей спине.

И даль лугов цветами улыбалась.
И — знавшему: иной дороги нет, —
Мне тоже ничего не оставалось,
Как слиться с ними и шагать в рассвет.

* * *

Пойдём в луга!
Пропахнем травами,
Пока мы молоды, пока
На лица белою облавою
Струятся с неба облака.

А ты, сиреневая, рыжая,
Взволнованная, как рожь.
Ты, как звезда,

К Земле приближенная,
По сердцу, по душе идёшь.

Ты вечная!
И мимоходом.
Воспета мной и тишиной,
Ты перечёркиваешь годы,
Насквозь проросшие травой.

В цветах душа твоя пасётся.
Сверкает камешком в ключе,
И спелое, ржаное солнце
Играет на твоём плече.

И спелые, в надкусах,
губы,
Которых не испить до дна.
Я приближаю, словно кубок
Мне незнакомого вина.

* * *

Без тебя не могу.
Пусть свидетелем будет тревога
Бесконечных бессонниц,
что глаза не смыкают на миг.
Я устал без тебя,
словно вынес большую дорогу.
Словно вышел из боя,
победил и не встретил родных.

Вот моё пепелище.
Здесь хозяин — обугленный ветер.
Он бездомен, как я,
он не знает, куда себя деть...
Приходи, прилетай,
без тебя не могу я на свете,
Как без неба Земля
не умеет сквозь бездну лететь.

Стражник времени

Вошедший небесам в доверье,
Как будто звёздное зерно,
Я видел, как струилось Время, —
Моёль, Вселенной — всё равно.

Душе моей являя милость,
Чтоб я скорей за труд взялся,
Оно, свободное, струилось,
Одушевляя небеса.

Его в себя влекли светила,
Чтоб в них не прекращалась
Жизнь.
Оно в сознание входило,
Нак вознит
В море неба высь.

И эта Времени бездомность,
Вседомность Времени, как явь,
И тишины его огромность —
Сигнал для звёздных переправ;
Чтоб я бессмысленной забаве
Земные дни не отдавал, —
А на межзвёздной переправе,
Как стражник Времени, стоял.

Слова космического вздоха

*Глаза юнцов —
Ворота Космоса.
Леонид Мартынов*

Когда за словом нет
Полков
Людских, на бой идти готовых,
Слова, живущие для слов,
Во имя слов самих! —
Полова.

У Слова — вечно! —
Красный стяг
Раскрывшихся под ним титанов.
Так жил Гомер. Державин
Так
Творил,
Чтоб Пушкин, полный сил,
Обрушил Слово на тиранов.

Так жили, чтоб жила
Земля,
На них всю жизнь велась атака! —
Все, все мои учителя —
От Блока и до Пастернака.

Так я пишу не в тишине,
А на ветру твоём, эпоха, —
И передал Мартынов мне
Слова
Космического
Вздоха.

Когда же у его откоса я
Нашёптываю вдохновенное:
«Глаза юнцов —
Ворота Космоса...», —
Я слышу —
Вечное, мгновенное:
«Ты — зрение моё нетленное!» —
Нашёптывает мне Вселенная.

* * *

Жарко в теории. Жарко!
Учёный — лучший поэт! —
Ищет свободные кварки,
Которых, быть может, нет.

Но воли свобода разве,
Чтоб одному сиять, —
Свобода
в глюонных
связях,
Которых не разорвать!

На этих земных, печальных,
Венчальных просторах дней
Свобода —
в связях

глобальных
Самых разных людей.

Свобода — скалой, стеною,
Мрак отводья, стоять
И сердце — ядро земное —
Сдрутими объединять.

И, словно огонь Вселенной,
Какому пределов нет,
Свобода — сгореть мгновенно
Во имя грядущих лет!

Баллада о Сократе и Эйнштейне

Там, у реки,
где воды в вечность плыли,
На звёздном и на нашем берегу.
Сократ с Эйнштейном тихо говорили,
О чём — и припомнить не могу.

Зачем, нетерпеливые потомки,
Хотите знать о теме их бесед?
Их речь была о том же,
Всё о том же,
О чём вам, смертным,
забывать не след.

Был каждый
от пространств иных зависим.
И каждый понимал — и в этом суть! —
Что электрон —
фотон их общей мысли —
Сам выбирает свой мгновенный путь.

Выходит, он творит себя незримо.
И звёзды знают, где и как летят...
Им эта мысль была невыносима.
Уж лучше б рядом оказался яд.

И всё-таки обрывки разговора
Мой уловил
ушедший в млечность слух:
— Уж лучше бы я, другой мой,
Был маркером.
— А я бы стал сапожником,
Мой друг.

— Ты перепутал времена,
художник! —

Услышал я,
Но я не онемел —
И я сказал:
— Зачем я не сапожник?
Тачал бы — и на небо не смотрел.

Седое время

Пока Эпоха на скамье сидела —
Старушкой на грани бытия,
Земное время быстро поседело, —
И мы сравнялись с ним — оно и я.

Не ожидал я от него иного —
Теперь Эпоха — безвременья скорбь.
И как бы ни был я в решениях скор, —
Оно — моим порывам не пример! —
Ведь каждый день его печально сер, —
Не может вымолвить в ответ ни слова.

И как мне жить,
в земную мудрость веря,
Коль на несчастно-горестной земле
От наших скорбей поседело Время —
Морщины дней — рубцами на челе.

Гул времени

Как те ручьи, что потекли
С весёлых круч — иль это снится? —
Все гулы Времени легли
Строкой на чистые страницы.

И я, покинувший крыльцо,
Где мама утром хлопотала,
Вдруг понял — радость воссияла! —
Что женское у них лицо.

Она свой донесла хомут.
Упав на полпути мгновенно...
А гулы Времени идут
Её дорогою нетленной.

Тургенев

Из глубины народной Гений
Пришёл, — раздвинув горизонт.
Поэтом в прозе был Тургенев,
Как первым нам сказал Бальмонт.

Все европейские народы
Куда ни глянешь — не видны...
И «Вешние...» — не иссякая! — «...воды»
По всем строкам его текут

Валентин Распутин

*Ивану Савельеву —
дорогому человеку.
В. Распутин. Октябрь 1975г.
Надпись на книге «Живи и помни»*

На жизнь народа Словом он взирал
И, проявив сибирскую натуру,
Он «Деньги для Мари» написал —
И классиком вошёл в литературу.

Его творенья — правда без прикрас.
И, отдавая Родине поклоны,
«Живи и помни», — каждым из нас
Он говорил судьбой своей Настёны.

Я дружбу с ним всегда считал за честь,
Хотя в Москве нечасто мы встречались.
Пусть годы наши вороными мчались,
Но я-то знал, что он, Распутин, есть.

Он оставался — слава — ноль — собой.
Но жизнь внезапно открывает двери, —
Она такой обрушилась бедой, —
Страшнее этой в жизни нет потери.

Иван САВЕЛЬЕВ

Тропой
памяти иду...

Глядел вперёд —
Туман,
Провал,
Обвал.
Старушка небо, падающая на плечи...
Но он стоял,
Как мог,
Ещё стоял,
Шепча с надеждою: «Ещё не вечер...»

И всё тянулось — долг велел! — рука
К тетради,
Чтобы Слово не кончалось, —
Тянулась, точно Слово защищалось,
Но гибель шла уже издалека.

Он уходил — так обозначил рок,
И с Родиной — нет горше огорченья! —
Стоял, как часовой, последний срок, —
Но не поглотит он его творенья.

Свет столетия

По всем путям судьба меня вела,
Летел в стихи с полей родимых ветер...
Для новой книги мало ремесла, —
Для новой книги
Нужен
Свет
Столетья.

Нам только кажется, что он похож
На свет времён,
бессмысленно ушедших, —
Коль зрячий ты,
То ты его прочтёшь
В очках, как Ярославны,
мудрых женщин.

Но как бы ты себя ни возвышал,
Ты, милый, ошибаешься глубоко, —
Те очи только Пушкин прочитал,
Да Блок ещё, но нам — твердит эпоха! —
Стойкой до них подальше, чем до Бога.

Четвёртая дорога

Прошли по памяти обозы,
Куда ни глянешь — не видны...
Дороги три. И три берёзы.
И три у сердца стороны.

Кормила мать меня у стога,
Я, как птенец, на воле рос.
Так первая моя дорога
Прошла с бубенчиками рос.

Гремела битва мировая,
Паучья свастика ползла, —
И началась моя вторая
В дыму горящего села.

Дорога третья начиналась
У первых юношеских дней.
Но та, четвёртая, осталась,
Чтоб к прошлым дням идти по ней.

Всё меньше света остаётся
На ней, идущей крутизной.
Она когда-то оборвётся...
Но это будет не со мной.

Вязьма

О слово вязнущее — Вязьма,
Моя заглавная строка!

В тебе действительно увязли
Врага отборные войска.

Они ещё рвались к столице,
Разбоем нагоняя страх...
Но потускнел огонь в петлицах,
А ещё более — в глазах.

Они уже у стен Смоленска —
Заставы страждущей земли —
Лишились рыцарского блеска,
С каким по Западу прошли.

Всему живому мстя бедою,
Они глотали свой же дым
И опились твоей водою,
Объелись приником твоим.

Тот пряник горек, как пустыня,
Для всех, кто на чужое зрит.
Он в горле, словно кол,
Поньше
У тех, у выживших,
Стоит...

Прощальный день

Прощальный день на родине моей.
Прощальные берёзы у колодца.
И старый конь за речкою пасётся
Сам по себе, отвыкший от людей.

Пред ним лежит в осенней дымке
даль.

И чем-то мы похожи друг на друга.
В его глазах застыла боль испуга,
В моих — разлики долгая печаль.

Прощальный день на родине моей...
Над крышею дрожит
дымок прощальный.
И матушка проходит перед спальней,
Стоит и ждёт чего-то у двери.

И двух сердец
согласный скорбный стук.
Как по цепочке, к нам передаётся.
За что она сегодня ни возьмётся —
Хоть не берись! — всё валится из рук.

Она не скажет, что в душе у ней
Перед дорогою моею дальней...
Да я и сам
в столь долгий день прощальный
Боюсь сказать, что на душе моей.

«Ну, мне пора...» —
и голос мой сорвётся,
И, как всегда, не станет мне ясней,
Чем через год для нас он обернётся,
Прощальный день на родине моей...

Братские могилы

С детства самого знакомые —
Будь хоть лето, хоть зима —
Всё здесь холмики да холмики —
До самого Холма.

Вечно ждущим
Не дожидаться их
В деревнях и городах.
Всё здесь братские да братские
Могилы на холмах.

Неприметны частоколки
Зеленеющих оград.
Всё здесь школьницы

Да школьницы,
Да бабушки стоят.

Так в Победный День —
День Памяти —
Сколько лет ни стало в ряд, —
Всё с цветами да с цветами-то,
Все — с живыми — у оград.

* * *

Словно девушка в накидке,
В очень ранние часы
Ходит Память у калитки,
Сбив созвездия росы.

Косы падают ржаные,
Руки — словно у берёз.
А глаза — у ней такие, —
Что нельзя смотреть без слёз.

Я смотрю напропалую
В эти очи несправед, —
Словно милую целую
В очень близкие уста.

Андрей Дементьев

Тебя, Поэт,
И истинно зная,
Когда,
Дышащий всею грудью Словом,
Решительный и мягкий, и рисковый,
Ты «Боль и радость»
в годы тьмы издал.

Тебя травил бездарь за журнал,
Которому все силы отдавал ты, —
И вопреки безудержному гвалту! —
Ты каменно над временем стоял.

Они ушли.
И ты подвёл итог
Годам невыносимого страдания, —
И всё светлее над страной сиянье,
Что ты «Огнём»-поэмою зажжёг.

Правславянская баллада

О, правславяне! Радость на лице.
От Семиречья к морю
продвигались...
Был род един при Арии отце,
Но он ушёл — раздоры начинались.

И гунны с готами теснили их,
И надвигались греки к Танаису.
И принимали правславяне вызов,
Похожие на прадедов своих.

Всю жизнь — борьба. Походы.
Каждый род —
Сам по себе.
И — гибель, гибель, гибель...
Даждь бог, Перун, Велес
помочь могли бы, —
Но Навь от взоров прятала восход.

Она обкладывала тьмою степь,
И Танаис была черна, как уголь...
И Святовит взывал:
«Учись терпеть,
Славянский род,
чтоб одолеть недуги!».

Их тьмы и тьмы в походах полегли,
Но — одолели всех времён потёмки.
И я горжусь: мы их не подвели, —
С того и нас не подведут потомки.